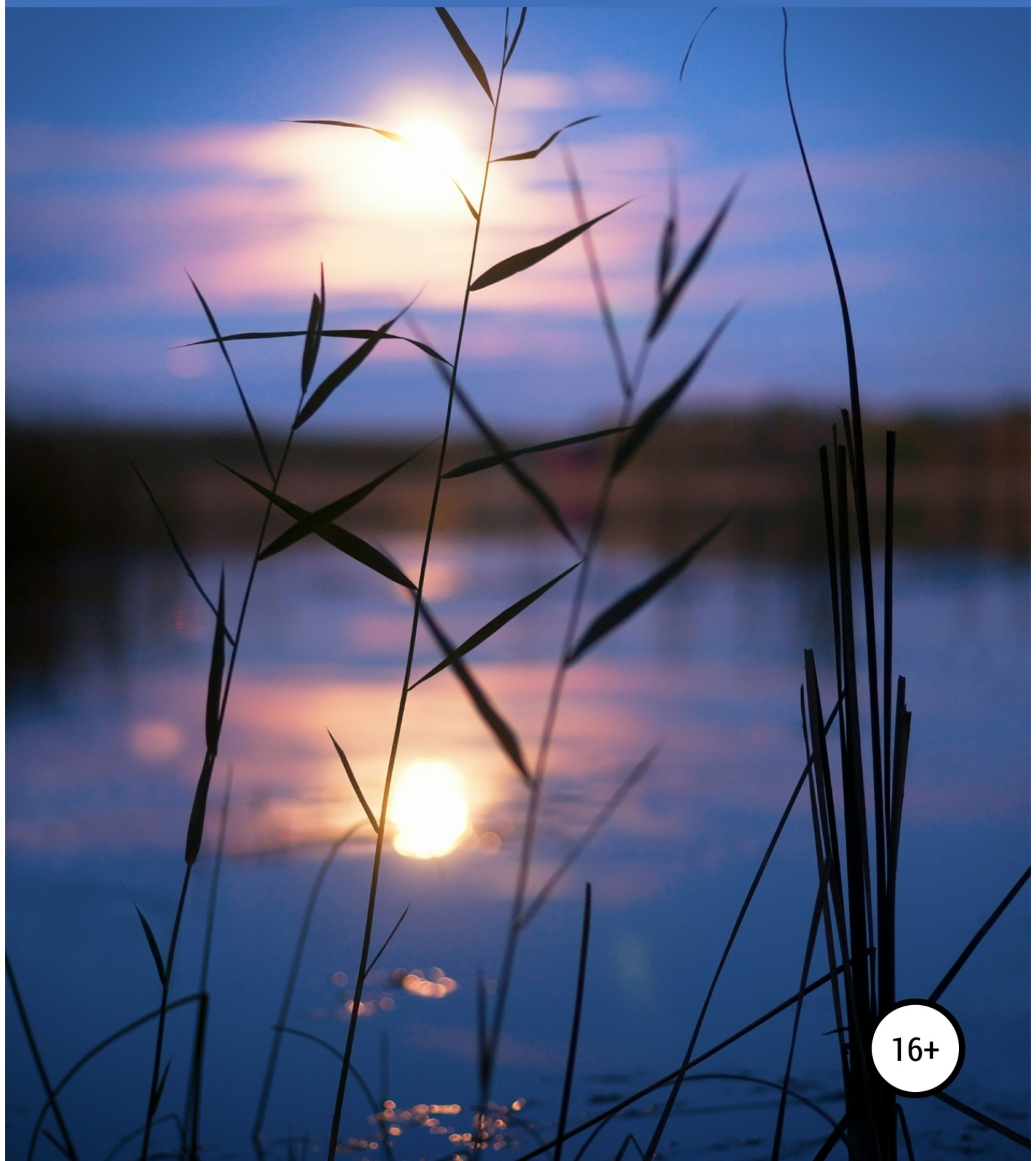

Марина Капранова

Мутные амурные дела

16+

Отвяжись, плохая жизнь

Марина Капранова

Мутные амурные дела

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Капранова М.

Мутные амурные дела / М. Капранова — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Отвяжись, плохая жизнь)

«Замечательно летним вечером сидеть у костра на берегу реки рядом с любимым человеком в кругу друзей, наслаждаться запахом сваренной ухи в котелке и зрелищным каскадом искр, улетающих от костра ввысь», - именно так думала Арина Соболева до тех пор, пока муж подруги Ньюры, не выловил из реки чудовищную находку. Страшная вест, прилетевшая в село Боровиково, не оставила равнодушным и следователя Антона Сергеевича. Откуда на подведомственном ему участке расчлененка? И кто этот загадочный, хладнокровный убийца?

Марина Капранова

Мутные амурные дела

– Костя, ну где ты там застрял? – позвал друга Миша, подбрасывая сухие дрова в жарко пылающий костер.

– Сейчас иду, только с удочкой справлюсь. Не могу леску из воды вытащить. Видно, крючок за что-то зацепился, – откликнулся Костя запыхавшимся, натужным, с хрипотцой голосом. Все уже давно собрались у костра, только Костя никак не мог оторваться от реки.

– Помощь нужна? – не унимался Миша, неторопливо отступая от костра, прикрывая руками слезящиеся от дыма глаза.

Дрова, брошенные в огонь, тут же охватило игриво пляшущее пламя, и они с треском стали разбрасывать каскад искр в разные стороны и ввысь, освещая пологий берег реки, утопающий в темноте летней ночи. От реки доносился редкий плеск воды, казавшийся особенно громким в ночной тиши, и Костя, немного замешкавшись, ответил:

– Пока не пойму, то ли рыбина огромная попалась, то ли крючок накрепко за корягу зацепился.

Миша постоял в некотором замешательстве, соображая, как ему поступить. К воде приближаться совсем не хотелось. Он предполагал, что там ни зги не видно, да и влажная прохлада, тянувшая от реки, ему была сейчас неприятна. Миша поежился, но про себя решил: если уж Косте понадобится помощь, тут ничего не поделаешь, надо будет идти выручать друга.

– Все... справился, что-то есть, – донесся голос Кости, и Миша с облегчением вздохнул, взял длинную палку и помешал дрова в костре.

От черных, обгоревших головешек, пожираемых жадным огнем, столб оранжевых искр с сероватым густым дымом устремился в темное ночное небо, охватив по пути в огненные объятия котелок с аппетитно пахнущей ухой, висевший над костром.

Арина с Мишей и Костя с Нюрой давно собирались отдохнуть на берегу реки Оби. И не просто искупаться в теплой июльской воде, прогретой палящим солнцем, – нынешнее лето выдалось на удивление жарким, и даже редкие проливные дожди приносили только временное, недолгое облегчение. Молодым людям хотелось в полной мере насладиться красотой вечернего заката у воды, развести костер и наблюдать, как огненные брызги искр улетают в непроглядную бесконечность мрачного ночного неба. Сварить в котелке настоящую рыбацкую уху и, насытившись и вдоволь наговорившись, устав от пьянящего на свежем воздухе отдыха, уснуть беспоробудным, без сновидений сном в палатке.

На этот незамысловатый отдых молодые пары собирались целую неделю. Но постоянно что-то происходило, и поездку приходилось откладывать на неопределенное время: то Нюре с Костиком не с кем было оставить малолетних детей, свекровь Нюры соглашалась взять к себе внуков, но неожиданно озаботившись чем-то, отказывалась, ссылаясь на неотложные дела. То Мишу нежданно-негаданно вызывали в район по работе, и эту поездку никак нельзя было отложить. То вдруг выяснилось, что с удочками Кости не все в порядке, и он никак не мог найти им замену. Настроить правильно удочки – это вам не тят-ляп, тут навык нужен и профессиональный взгляд заядлого рыбака, только тогда удача на рыбалке повернется к тебе лицом.

Костя, чтобы не терять времени даром, отправился к Валерке Иващенко, хорошему знакомому и соседу, чтобы разжиться рыболовными снастями, но Светка, громкоголосая, очень энергичная женщина, заявила, что муж еще несколько дней назад сам уехал на рыбалку на Обские острова и еще не вернулся.

Костя данному обстоятельству несказанно удивился. Раньше, если Валерка собирался выезжать на рыбалку с мужиками из соседней деревни Харитоновки, то одним из первых об этом событии узнавал Костя. Валерка ощущал некую мужскую симпатию к немногословному, работающему Константину. Он и сам работал без усталости, зная цену тяжелому деревенскому труду, когда, правда, находился в трезвом состоянии – недельные запои для него были в порядке вещей.

Иващенко испытывал искреннее, без чувства черной зависти, уважение к соседу, который своими руками поставил добротный дом и сумел обзавестись крепкой семьей с надежным тылом. Валерка никогда не слышал, чтобы Нюра, жена Кости, прилюдно унижала и оскорбляла мужа, с ним она всегда разговаривала ровно, даже с некоторой ноткой почтения, так, по крайней мере, казалось Иващенко.

Не в пример его Светке с нахальным, стервозным характером, которая на похвалы была скупа, ну а если уж муж провинился, тут только держись, дело не раз до мордобоя доходило. Правда, не Валерка бил жену, а она его, причем всем тем, что было у нее под рукой, иной раз и старшие дети помогали ей. А он что? Ничего, все терпел, сам виноват – нечего в разгар страды злоупотреблять алкоголем. Иной денек, пройденный зазря, мог бы весь год кормить. У природы ведь как: всему свое время. Самое главное, не прощелкать это время, подаренное матушкой природой, а то ведь можно и несолоно хлебавши остаться.

Валерке же очень хотелось быть не просто хорошим знакомым для Кости, но и иметь с ним приятельские, даже дружеские отношения. Поэтому Валерка каждый раз, как только собирался на рыбалку, настойчиво зазывал с собой Костю и подолгу красочно рассказывал о прелестях рыбной ловли на островах. Костя был бы не прочь поехать, он и сам был неравнодушен к рыбалке, но работа и семья для него были всегда на первом месте. Да и он прекрасно понимал, что Нюра, зная Валерку, не одобрила бы его затею.

Валерка официально нигде не работал, да и выбор рабочих мест в Боровиково был невелик. Совхоз давно развалился, и мужики от безнадеги горбатились на местного фермера Коноплянкина. Ну а кто-то предпочитал работать вахтенным методом, оставляя дом и семью на месяц, а то и на все три. Валерка же занимался подсобным хозяйством, кстати, это у него получалось довольно-таки успешно. Иващенко имел в личном хозяйстве трактор, и когда началась пора вспашки огородов или сенокоса, он в селе был нарасхват. Его трактор, можно сказать, кормил всю семью.

Светлана работала техничкой в сельском совете, маленькое помещение не требовало больших временных затрат, и она в летний период вместе с детьми все свободное время проводила в лесу. Как только наступал сезон ягод и грибов, лес давал возможность не только обеспечить большую семью соленьями и вареньем, но и выручить за сезон приличную сумму, продавая в районном поселке Орловское лесные дары. Данной суммы хватало, чтобы одеть четверых детей в школу и ежегодно обустраивать дом, делая ремонт, меняя старую мебель и покупая бытовую технику.

И все у семьи Иващенко на первый взгляд было замечательно, но была у супругов одна слабость: с периодичностью раз в два-три месяца они расслаблялись, беря перерыв в физически тяжелой, изнурительной, изматывающей душу работе, покупали энное количество бутылок с алкоголем, и начиналась расслабуха. Правда, Светка на второй или третий день останавливалась, а вот Валерка продолжал гулять неделю, а то и две, беззлобно болтаясь по улице и получая от жены оскорбления и тумаки...

– Екарный бабай, – громко и смачно выругался Костя у реки.

Молодые люди, сидевшие у костра в ожидании ухи, дружно повернули головы на встревоженный голос Кости. От воды доносилось непонятное шебаршение, но мужчина никак не появлялся. Миша, сидевший на низком стульчике неподалеку от костра, привстал и раздраженно крикнул другу:

– Костя, да где ты там, в конце концов? Точно помощь не нужна? – он уже начинал нервничать и готов был пойти к реке.

– Да пока не знаю, – из темноты вынырнул Костя, держа что-то круглое в руках. – Вот это улов не пойми какой поймал! Скользкое, зараза, – он старался разглядеть любопытную штуковину, удерживая ее в руках, а она, в свою очередь, норовила выскользнуть, словно была недовольна тем, что ее обнаружили. Подойдя поближе к костру, Костя на секунду застыл, разглядывая предмет, затем округлил в ужасе глаза и, вскрикнув: – Черт! – с силой и брезгливостью откинул в сторону страшную находку.

Присутствующие у костра тоже сумели разглядеть странный предмет, который очень напоминал человеческую голову, и, боясь поверить, что это именно так, сидели словно приклеенные к своим местам. Первым опомнился Миша и, неторопливо поднявшись со своего места и прихватив длинную палку, отправился к укатившемуся предмету.

– Что сидишь? – накинулся Костя на Нюру, как только немного пришел в себя, продолжая держать вытянутыми вперед руки. – Полей мне воды на руки. И мыло... дай же мыло!

Будь это в другом месте и при других обстоятельствах, Нюра на грубый тон мужа отреагировала бы по-иному, просто проигнорировала бы слова мужа, и все тут. Но при нынешних обстоятельствах, списав все на стресс, беспрекословно выполнила просьбу мужа.

Миша осторожно, палкой, подкатил страшную находку Кости к костру, и всем стало понятно, что они не ошиблись: это действительно была посиневшая и разбухшая от воды человеческая голова.

– О боже, – выдохнула Арина. – Отвяжись, плохая жизнь...

Костя схватил полотенце, которое лежало рядом с Нюрой, сквасив брезгливую мину, стараясь с усилием протереть только что тщательно вымытые руки.

– И что делать будем? – на удивление спокойно поинтересовалась Арина, сама поражаясь своему безразлично-спокойному голосу. Она никак не могла поверить в реальность происходящего, но все же добавила: – Надо бы участковому позвонить.

– И что? Ты думаешь, что Павел Юрьевич среди ночи прилетит к нам на берег? – парировал Миша, оставив в покое голову.

– До утра ждать надо, – поддержал друга Костя. – А только рассветет, домой вернемся и... – Костя, не глядя на находку, просто кивнул в ее сторону головой, – эту с собой прихватим.

– Господи, – только и сумела вымолвить Нюра. Она до сих пор не могла прийти в себя и как замороженная смотрела на приплюснутый шар, смутно напоминающий человеческую голову. – А может, она совсем не настоящая? – с надеждой в голосе спросила она: – Может, это какой-нибудь реквизит в реку попал?

Костя бросил на жену сочувственный взгляд. Нюра всегда старалась найти объяснение любому обстоятельству, каким бы страшным или нелепым оно ни показалось, если не хотела верить в действительность, но переубеждать жену не стал и попросил:

– Дай лучше какой-нибудь пакет. Мы ее завтра доставим участковому, а там пусть правоохранительные органы разбираются, реквизит это, или макет, или... – Костя не договорил, ему самому, как и Нюре, не хотелось верить, что это могла быть настоящая человеческая голова.

Нечто, похожее на голову, наспех завернули в полотенце и положили в пакет подальше от огня и света, чтобы не мозолила глаза.

На костре, в котелке, примостившемся на треноге, давно сварилась уха, она продолжала булькать, распространяя аппетитный запах. Теперь же Арина поймала себя на мысли, что от этого рыбного духа отчего-то стало муторно подташнивать. Она обвела всех взглядом и поняла, что не ее одну посетило это противное чувство отвращения к еде – есть сразу всем расхотелось. Миша, который кашеварил, и ему жаль было потерянного времени и сил, решил приободрить молодых людей:

– Ну что скисли-то? Давайте уши поедим, не пропадать же добру. Столько времени собирались отдохнуть – и на тебе, будем себя теперь загружать сторонними, неприятными мыслями, – и, поймав на себе недоуменный взгляд Арины, поправился: – Ну хорошо-хорошо... ужасными мыслями... Но давайте хотя бы до утра о находке забудем, – с надеждой попросил Миша друзей, понимая, что это практически невозможно, он и сам теперь понимал, что ни о чем другом думать не сможет.

Чтобы не обидеть Мишу, Арина и Нюра потянулись за ложками, но поели без аппетита, Костик же наотрез ужинать отказался. Вскоре все отложили ложки в сторону, уха в котелке оказалась почти нетронутой, тщательно затушили костер, залили водой, разбросали остывшие угли и залезли в палатку, плотно прикрыв вход. Страшную находку оставили на улице, недалеко от того места, где недавно горел костер.

Казалось, что пережитое событие не даст уснуть, но перенесенный молодыми организмами стресс дал совершенно обратный эффект: молодые люди уснули сразу же, как только приняли горизонтальное положение.

Костя внезапно пробудился от того, что почувствовал на своей щеке и теле влагу. Казалось, что крыша палатки неизвестным образом прохудилась, пропуская дождевые капли. Он перевел взгляд на маленькое оконце палатки: снаружи еле брезжил рассвет, и на то, что идет дождь, ничего не указывало. По палатке не шлепали дождевые капли, да и оконце было абсолютно сухим. Костя повернулся с бока на спину, соображая, откуда могла взяться вода. Неожиданно в его взгляде застыл холодный ужас. Над ним висела выловленная из реки голова, с нее мелкими капельками падала вода.

Сердце Кости ухнуло в пятки, в груди колючим ежом трепыхалась душа, сознание в один миг затуманилось, мысли, обгоняя друг друга, путались в голове, не давая ясно соображать. Не выдержав неведомого для него прежде мучительного состояния, Костя издал истошный вопль. Сам не понимая, откуда только силы взялись, подскочил на ноги, пулей вылетел из палатки и заплетающимися, путающимися в траве ногами направился к своему автомобилю. Быстро, насколько позволяли трясущиеся от волнения руки, справился с ключами и, нажав на газ, с ревом рванул машину с места.

В палатке сонные, потревоженные и перепуганные вначале истошным ревом Кости, а затем гулом автомобиля молодые люди постепенно приходили в себя.

– Что это? Что это было? – бормотала Нюра, окидывая испуганным взглядом палатку. – А Костик где? Где Костик?

Миша молодецки подскочил со своего спального места и выбежал на улицу. Костина машина уже скрылась из виду. Арина с Нюрой не стали ждать приглашения и тоже выползли из палатки на мокрую от росы траву и в ожидании каких-либо пояснений смотрели на Мишу.

– Я не знаю, что произошло, – тихо произнес Миша и перевел взгляд на то место, где они вчера оставили пакет с головой. Пакет бесследно исчез. Возможно, Костя прихватил его с собой, только зачем и что могло произойти, что так испугало Костю, и куда он помчался, бросив и жену, и друзей на берегу реки? – Черт, не люблю загадки, – выругался тревожно Миша и скомандовал девушкам: – Быстро собирайтесь, возвращаемся домой.

Девушки не заставили себя ждать и уговаривать. Нюра, собираясь, охала и ахала, у нее все валилось из рук, беспокойство за мужа и его необъяснимое поведение совершенно выбили ее из колеи. Вскоре все было наспех собрано и погружено в автомобиль. И как только все разместили? Дома, когда собирались на отдых, с трудом вся поклажа вошла в две машины, а тут заднее сиденье было совершенно свободным, и Арина с Нюрой без затруднений разместились на нем.

Проехали километра два и еще издали увидели стоящую посреди дороги машину Кости. Только Миша заглушил мотор, все трое выскочили из автомобиля на дорогу и бросились к

мужчине. Он же спокойно открыл дверцу своей машины и ровным голосом, словно ничего сверхъестественного не произошло, произнес:

– Ни с того ни с сего заглохла и не заводится.

Нюра, озабоченно разглядывая лицо мужа, нервно спросила:

– Господи, Костя, что случилось? Что за дурацкая выходка? Сон, что ли, страшный увидел?

Костя неторопливо, как-то странно ухмыльнулся одними уголками губ и ответил:

– Может, и сон. Сейчас расскажу, а вы уже решайте сами, – и, покосившись на машину Миши, которая покоилась на обочине дороги, спросил: – А голова с вами?

– Нет, – ответил Миша. – Странно, конечно, но она куда-то исчезла. Я, грешным делом, подумал, что ты ее с собой прихватил.

– Зачем? – задал глупый вопрос Костя, именно так показалось Мише, но он все же ответил:

– Вот это мы уже у тебя хотели спросить: зачем?

– Я ее не брал, она, наверное... улетела, – последнее слово Костя словно выдавил из себя, произнеся его с придыханием.

Все трое уже пристальнее посмотрели на мужчину, его странное поведение вызывало явное беспокойство у молодых людей. И Костя, сообразив, что со стороны его слова выглядят, мягко сказать, глупо, безрассудно и нереально, вылез из машины и подробно рассказал, что видел и что чувствовал.

– Ну а теперь решайте, ересь это или чертовщина, но моя футболка до сих пор мокрая, – закончил повествовать Костя, оттягивая рукой футболку на груди и призывая жену и друзей в свидетели.

– Ну, не знаю, что это, – первым прервал молчание Миша, которое повисло после рассказа Кости. – Только ни на меня, ни на Нюру почему-то ничего не капало, мы ведь рядом с тобой спали, с разных сторон, – и, поймав укоризненный взгляд друга, добавил: – Но так или иначе голова исчезла... Пока девушки собирались, я все вокруг обошел, но злополучного пакета поблизости не нашел. Так... Давай посмотрим, что с твоей машиной, и поедем к участковому, расскажем ему все, что знаем. А он уже пусть принимает решение.

К большому удивлению Кости, машина завелась быстро, стоило только повернуть ключ в зажигании – и мотор заработал ровно и спокойно. Никаких признаков поломки и в помине не было.

– Н-да, – только и вымолвил Миша, которому все происходящее казалось по крайней мере странным.

– А что вот это было? Я ее никак не мог завести, как ни старался, – возмутился Костя и обратился к Нюре: – Ты со мной?

Нюра, не раздумывая, села в машину мужа. У нее было такое ощущение, что она до сих пор спит и никак не может проснуться, все события вчерашнего вечера и сегодняшнего утра больше напоминали неправдоподобную сцену из фильма ужасов. Но она хорошо знала Костю: он никогда по пустякам не паниковал, да и вообще был реалистом, придумывать и фантазировать – это совсем не его стихия, и она готова была ему поверить, несмотря на то, что рассказ выглядел уж в высшей степени нереальным.

Участкового Павла Юрьевича, шумно бурча, разбудила жена. Ему вставать совсем не хотелось, но надо было на работу. Вчера опять переборщил с алкоголем, поэтому болела голова, стучало в висках, подташнивало, и весь организм требовал воды. Мужчина в одних трусах и майке прошлепал босыми ногами на кухню и, открыв холодильник, достал запотевшую, холодную банку с домашним квасом. Огляделся, поблизости бокала не оказалось, а лезть в шкаф не хотелось, и он, долго не раздумывая, жадно припав к горлышку банки пересохшими от жажды

губами, попил квас прямо из банки. От ледяного напитка зашлись зубы, он болезненно поморщился, крикнул и вернул банку в холодильник.

За окном послышался гул автомобильного мотора, и возле ворот участкового остановились две машины. «Неужели что-то случилось с утра пораньше?» – пробежала тревожная мысль в голове участкового, и он, сообразив, что стоит в одних трусах, быстро засеменил в спальню одеваться.

Жена участкового Шурочка – громкоголосая, с простым, не запоминающимся с первого раза лицом, худощавая, с широкими бедрами женщина – развешивала на веревке только что выстиранное белье. Трудилась Шура в местном сельском доме культуры методистом, на работу ходила к десяти часам, поэтому с утра успевала переделать кучу домашних дел. Заметив входивших в калитку ранних посетителей, она хотела идти в дом за мужем, понимая, что только к нему могут прийти ранние визитеры, но Павел сам появился на крыльце.

– Здорово, молодежь, – поприветствовал Павел Юрьевич молодых людей, вальяжно спускаясь с крыльца, спросил: – Что-то стряслось в такую рань? – и, потирая кулаком глаз, буркнул себе под нос: – Хотя неприятности время суток не выбирают.

Молодые люди вразной ответили на приветствие участкового. Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями, и Миша тихонько произнес:

– Поговорить бы. Вопрос довольно-таки щепетильный.

– Ну что же, можно и поговорить, – и, оглянувшись на жену, которая закончила развешивать белье и направлялась домой, участковый пригласил молодых людей, кивнув вглубь двора:

– Я думаю, там нам будет удобно.

Под раскидистой яблоней стоял деревянный стол, покрытый цветной клеенкой. С обеих сторон стола примостились деревянные лавочки. Двор участкового был ухоженным, по всему двору были раскиданы клумбы с цветущими незатейливыми цветами. Арину больше всего поразили своим разнообразием и красками лилейники, которые небольшими островками цвели вдоль забора.

– Ну, выкладывайте – скомандовал участковый, как только каждый из присутствующих нашел себе место за столом.

Все посмотрели на Костю, и он с самого начала изложил историю странной находки. Павел Юрьевич слушал молча, опустив голову и разглядывая свои сцепленные на столе пальцы рук, только иногда исподлобья бросал на рассказчика удивленный и недоверчивый взгляд. Когда Костя замолчал, участковый спокойно произнес:

– Н-да, понятно, что ничего непонятно... Конечно... – Павел Юрьевич хмыкнул, но, наткнувшись на серьезный взгляд Кости, не стал развивать свои домыслы вслух, просто добавил: – Так, сегодня из села никуда не отлучайтесь. Сейчас позвоню в район следователю, и я уверен, что он обязательно захочет с вами поговорить, да и место, где вы отдыхали, надо будет показать. Не могла же голова сама уйти, вероятнее всего, ей кто-то «ноги приделал».

– Как это? – удивилась Нюра, она от переживаний сегодня туго соображала.

– Как-как? Скорее всего, кто-то выпотрошил пакет с вашей находкой. А вы спали и ничего не слышали. А вот насчет того, что голова летала... не знаю... Ты, Костя, вчера случайно не выпивал? – все-таки не вытерпел и осторожно спросил участковый, боясь обидеть или спугнуть своим недоверием и без того растерянного Костю.

– Ну вот... Я так и знал... Именно этих дурацких обвинений я и боялся, – вспылел Костя, нервно вскакивая из-за стола. Беспокойное напряжение ощущалось в каждом его мускуле. – Даже если предположить, что я выпил... Ну не запойный же я пьянчужка, чтобы меня «белочка» посетила. А я вчера и капли в рот не брал...

– Ну-ну, успокойся, будем разбираться. Я все прекрасно понимаю... Хотя... О черт... Ничего не понимаю... Ну а сейчас давайте по домам, отдыхать. Я думаю, вы скоро понадобится, – произнес Павел Юрьевич, неспешно поднялся из-за стола, его примеру последовали

все, и участковый, проводив гостей до калитки, совершенно обескураженный рассказом, вернулся в дом.

На пробудившейся после короткой ночи улице хозяева дворов выгнали своих рогатых кормилиц на свободу и неспешно переговаривались, поеживаясь от утренней прохлады, дожидаясь пастуха. Завидев у участкового ранних гостей, они понижали голоса до шепота и вскоре замолкали. Людям было понятно, что в такое раннее время к участковому посетители не чай приходят пить, и сразу в душах поселялась тревога, и людей охватывало смятенное настроение, перемешанное с неумным любопытством деревенского жителя. Но спросить у молодых людей, что случилось, так никто и не осмелился. Посетители участкового в полном молчании прошли к своим машинам и неспешно тронулись с места.

Миша осторожно проехал по улице, беспрестанно сигналив коровам, которые растележились посреди дороги, чувствуя здесь себя полноправными хозяйками, и не спешили покидать ее.

Мужчина завез Арину домой, расставаться не хотелось, но жизнь не стоит на месте, надо решать повседневные проблемы, и Миша, не заходя в дом девушки, торопливо засобирался по неотложным делам.

– Миша, постарайся вернуться быстрее, а то эта история с головой совсем выбила меня из колеи, – попросила умоляюще Арина, выходя из машины.

И действительно, на душе у нее было муторно, она все-таки надеялась, что эта голова не настоящая. Но где-то глубоко в душе сидело предчувствие, что надеяться на благоприятный исход не стоит, и впереди страшная действительность, к которой, как всегда, никто не готов. И неизвестно, какие еще «скелеты из шкафа» вытащит вчерашний жуткий, дьявольски чудовищный улов Кости.

Арина, зайдя в дом, почувствовала тяжелую усталость и разбитость, она для себя решила, что сейчас вывести ее из изможденного, немощного состояния может только освежающий, прохладный душ. И она не ошиблась: стоя под струями остывшей за ночь воды в летнем душе, почувствовала облегчение в теле, но стоило ей только закрыть глаза, синий разбухший шар всплывал перед глазами, это настоящее наваждение она никак не могла стереть, как ни старалась, из взволнованного, взвинченного воображения.

Вернувшись из душа в дом, она достала из прикроватной тумбочки свой дневник и, забравшись на кровать с ногами, примостив дневник на коленках, быстро заскользила ручкой, записывая то, что вчера и сегодня, в предутреннюю пору, увидела, услышала и пережила. Закончив записывать, выплеснув на бумагу все негативные эмоции, она отложила в сторону дневник в красном бархатном переплете и, опустошенная, отвалившись на подушку, не заметила, как задремала.

Сколько она пробыла в объятьях глубокого сна без сновидений, Арина не заметила. Она пробудилась так же неожиданно, как и заснула. Ее сознание потревожил гул остановившегося возле калитки ее дома автомобиля. Глаза открывать не хотелось, на душе было спокойно и хорошо, и возвращаться к страшной действительности с тревогами, смятенными волнениями и беспокойными переживаниями душа не желала.

– Арина, ты где? – услышала она вначале стук сенной двери, а затем уже голос Миши, и, обрадовавшись его появлению, вяло ответила:

– Я в спальне, сейчас поднимусь.

Миша встревоженно заглянул в спальню, но увидев спокойное лицо любимой девушки, по-деловому распорядился:

– Давай, собирайся живехонько, следователь и водолазы будут ждать нас на берегу.

– Ой, только не это, – сморщилась Арина от услышанных слов, словно от зубной боли, но все же неторопливо встала с кровати. Ей действительно меньше всего на свете хотелось возвращаться на злополучный берег, где безнадежно был испорчен их отдых.

– Надо, дорогая. Костя с Нюрой уже уехали, – Миша сменил тон на более ласковый, понимая, как не хочется Арине вспоминать вчерашний вечер и переживать все заново.

Арина спорить не стала, понимая, что это бессмысленно. Делать нечего, труба, как говорится, зовет, и это, без сомнения, обязательное слово «надо», двигает человека вперед. Хотя оно не всегда помогает ему добраться до самой сути проблемы. Но попытаться что-то сделать, понять, предпринять – это в силе каждой разумной личности. И она, долго не раздумывая, влезла в старые уютные джинсы голубого цвета, надела удобную белую футболку и, собрав волосы в хвост, поспешила за Мишей из дома.

На берегу Оби было оживленно, следовательно Антон Сергеевич, распалаясь, доказывал что-то водолазам, которые только что вышли из воды на отлогий песчаный берег. Участковый Павел Юрьевич стоял рядом, засунув руки в карманы, и спокойно слушал следователя, не вмешиваясь и не мешая.

Он никак не мог прийти в себя от увиденного и услышанного. На его участке расчлененка – это просто уму непостижимо. Да не кто-нибудь был опознан Костей, а житель Боровиково Валерий Иващенко. Мысли участкового никак не могли войти в ясное русло. «Кому же он так смог насолить? Или попался под горячую руку? А вдруг у нас объявился какой-нибудь садист? Господи, да откуда же ему взяться в селе? Это я уже чересчур маханул, – старался унять внутреннюю панику Павел Юрьевич. – Понятно, что человек Валерка был суматошный и неумный, когда принимал на грудь. Но чтобы за его егостистый характер убивать таким зверским образом – это уже слишком... Или я опять что-то упустил, не заметил, проглядел? И за что мне все это?» – мужчина тяжело вздохнул и перевел взгляд на районного криминалиста Васю. Тот, присев на корточки, с профессиональным интересом разглядывал непонятный предмет на земле.

«Этот обязательно что-нибудь откопает, – подумал участковый и посмотрел на Костю. Мужчина, бледный, взерошенный, совершенно не выпавшийся и от этого еще более раздраженный, стоял возле открытой дверцы своего автомобиля, бросая редкие реплики Нюре, сидевшей на переднем сиденье машины. – Да, досталось ему... Такое увидеть».

Еще утром Павел Юрьевич, услышав рассказ молодых людей, думал, что найдется всему логическое объяснение и ничего страшного на самом деле нет. Но кошмарная действительность принуждала в себя поверить и считаться с ней.

А природа продолжала жить своей привычной жизнью, проблемы человека ее совершенно не касались и не интересовали до тех пор, пока человек со свойственной ему бесцеремонностью и чувством безоговорочной правоты не вторгался в ее владения, нарушая привычный ритм бытия флоры и фауны. Небесное светило независимо, с непреклонным упорством бросало свои раскаленные лучи на грешную землю. В выгоревшей на солнце траве стрекотали невидимые кузнечики, река спокойно подгоняла небольшие волны-барашки к берегу и тут же возвращала их назад, медленно гоня к середине реки. Над водной гладью парили независимые чайки, изредка покрякивая и нарежая в воздухе круги, не спешили удаляться. У самого берега, в высокой траве громко щebetала пичужка, суматошное соседство неизвестно откуда взявшихся людей ее совсем не радовало.

– Ну, что там? – машинально, на ходу поинтересовался Миша у друга, как только вылез из своей машины. Он неспешно оглядывал берег реки с суевившимися на нем людьми, Арина тоже поспешила к друзьям, боясь пропустить ответ Кости.

– Поверить не могу, – ответил Костя, нервно проводя рукой по лицу, словно смахивая наваждение, внезапно свалившееся на него как гром среди ясного неба. – Водолазы руку выловили из воды и... и по-моему, это рука Валерки.

– Какого Валерки? – не сразу сообразил Миша, о ком идет речь.

– Иващенко, – пояснила Нюра, стараясь легко выпрыгнуть из автомобиля.

– Да вы что? Не может быть! – Миша не мог поверить в страшную новость. – Подождите, но вы же можете ошибаться. Надо экспертизу делать, и все такое...

– На правой руке чуть выше большого пальца татуировка чайки, как у Валерки, – тихо пояснил Костя.

– Да мало ли кто такие татуировки делает, – не унимался Миша, стараясь разубедить Костю, чтобы немного его успокоить.

– Может, и немало, – продолжал настаивать Костя, убеждая друга в своей правоте. Он был уверен, что найденные останки принадлежат именно Валерке, хотя самому поверить в эту чудовищную находку было безумно страшно. – Только повыше чайки, почти у запястья буква «Н» еще имеется. Это он в десятом классе себе такую отметину сделал, когда тупо и безответно был влюблен в Наташку, свою одноклассницу. А вот чайка-то у него на руке намного позже появилась.

– Кошмар, – выдохнула Арина. – А что с головой? Голову не нашли?

– На берегу лежала, без пакета и без полотенца, в которое мы ее завернули, – удрученно откликнулась Нюра. – Видно, правда кто-то в пакет залез, пока мы спали, и, обнаружив страшную находку, бросил все на берегу.

– Ну не было ее на берегу утром! – загорячился, раздражаясь, Миша. – Я весь берег обошел и осмотрел. Не мог я ее не заметить.

Девушки молчали – ответить им было абсолютно нечего. Они утром так торопливо собирали вещи, что им было совершенно не до страшной находки.

– Кстати, – Костя пристально посмотрел на присутствующих, придавая своим словам больше убедительности и призывая всех безоговорочно верить ему. – Я голову-то при дневном свете рассмотрел, это точно голова Валерки. Она, конечно, от воды подпортилась малость, но прическа и два передних золотых зуба, видневшихся из приоткрытого рта, точно его.

Все были настолько ошеломлены услышанным и боялись поверить в чудовищную действительность, что не заметили, как подошли участковый со следователем. Павел Юрьевич вклинился в разговор:

– Костя, ну-ка напомни, что тебе Светлана про мужа говорила, только постарайся точно передать ее слова, это очень важно.

– Ну что говорила, – Костя немного прищурил глаза и устремил взгляд вдаль, припоминая недавний разговор с соседкой. – Сказала, что Валерка еще несколько дней назад с мужиками из Харитоновки на Обские острова на рыбалку уехал. Но меня смутило одно обстоятельство, его машина дома была. Но, думаю, мало ли что, может, на транспорте харитоновских уехал. Короче, я расспрашивать ничего не стал, торопился очень. Да и не мое это дело, выяснять, куда и с кем сосед отправился.

– Все это довольно странно, – ответил участковый, внимательно выслушав Костю. – Я два дня назад в районе встретил Матвея Певнева, он сам ко мне подошел. Поздоровались, Матвей и спрашивает: «Слушай, Юрьевич, ты давно видел Валерку Иващенко? Не гуляет ли он случайно?» Я ему отвечаю, что Иващенко мне последнее время на глаза не попадался. А он поясняет: «Полторы недели назад он мне звонил, предлагал на рыбалку отправиться, но мне некогда было, я с покосом возился и пообещал ему, что как только свои дела завершу, так перезвоню. Так вот, звоню уже дня три сряду, никто не отвечает, а со вчерашнего дня абонент вообще вне зоны действия сети».

– Кстати, он меня попросил, – продолжал рассказ участковый. – Если я встречу Валерку, сказать ему, чтобы перезвонил Певневу. Но я Иващенко в последнее время не видел, да и о разговоре, честно сказать, думать забыл. Конечно, если бы мне Валерка на глаза попался, я бы, возможно, и вспомнил просьбу Певнева, а так...

Следователь оглянулся на берег реки: криминалист Вася бережно собрал все улики, упаковал найденные водолазами фрагменты человеческого тела в прозрачные мешки и заканчивал грузить необычный, особенный багаж в машину. Водолазы больше так ничего найти и не смогли, поэтому вышли из воды и, тяжело стянув с себя водонепроницаемые костюмы, уставшие и неудовлетворенные сегодняшней работой, собирались покинуть берег. Все части тела обнаружить так и не смогли, как ни старались.

– Так, – произнес, немного подумав, Антон Сергеевич. – Сейчас навестим жену Иващенко, ну а потом в Тихоновку надо бы съездить, поговорить с Певневым. Костя, у меня к тебе просьба, надо бы проехать с нами к Светлане.

– Зачем? – искренне удивился Костя. Ему не хотелось видеть слезы женщины, которой сообщат о страшной смерти ее мужа. Он сам не мог прийти в себя, новость его ошеломила, и до сих пор не верилось, что это фрагменты соседа. А каково будет семье?

– Ну, чтобы время не тратить на воспоминания, я же буду задавать вопросы: когда ты к ней приходил, что спрашивал, что она отвечала. Она может что-то запомнить, упустить. Короче, ты ей нужен, чтобы освежить память.

Косте ничего не оставалось делать, как согласиться. Да и серьезной причины у него для отказа не было. Нюра, сочувственно взглянув на мужа, тихонько шепнула Арине с Мишей:

– Поехали к нам, а то Костя в таком состоянии... надо бы его как-то отвлечь и поддержать.

Три легковых автомобиля, оставляя после себя в воздухе шлейф светло-серой, тягучей пыли, остановились возле дома Иващенко. В ограде было пустынно, из сарая доносилось кудахтаье домашней птицы и бляенье козы. Дверь в хозяйственную постройку была приоткрыта, из нее неспешно вышла Светка с ведром в руках. На ней были черные в красный цветочек обтягивающие штанишки ниже колен и бирюзовая футболка, на которой крупными черными буквами во всю грудь красовалась надпись London.

Арина с Мишей и Нюрой вылезли из машины и стояли за калиткой, они не пошли следом за участковым, следователем и Костей. Арина, прочитав на футболке Светки надпись, улыбнулась. Ей вспомнился случай, связанный с Фаиной Раневской. Арина где-то прочитала, как Раневская, увидев слово London на майке одного парня, обратилась к нему: «Молодой человек, у вас заглавная буква вверх ногами написана».

– Ты чего лыбишься? – прервала ненавязчивые веселые мысли Арины Нюра.

– Да так, стороннее вспомнилось, – не стала вдаваться в подробности Арина. Воспоминания, конечно же, были неуместны, и ее пояснение Нюре именно сейчас выглядело бы глупо.

Нюра уже хотела настоять, чтобы Арина рассказала, что ее так повеселило, но не успела. Во дворе Иващенко началась неспешная беседа, и ей хотелось самой услышать, что расскажет Светка.

– Доброе утро, – первой начала разговор хозяйка дома. – Что за делегация? Мой опять отличился? Что-то натворил?

– Здравствуй, Света, – отозвался следователь и задал встречный вопрос: – А Валерий-то где?

– Как где? – забеспокоилась Светка. – На рыбалке, на Обских островах. Костя, – обратилась она к соседу. – Я же тебе говорила, что он с мужиками из Тихоновки на рыбалку уехал.

Костя, стараясь не смотреть на Светку, неопределенно кивнул головой. Следователь, не обращая внимания на реплики хозяйки дома, продолжал дознание.

– А на чем уехал-то? Машина, вижу, вон на месте стоит.

– Конечно, на месте. А я на чем по ягоды с ребятишками ездить в лес буду? Я ему не дала в этот раз машину. Сказала, чтобы со своими друзьями ехал. Мне же не только в лес надо, но и в район ягоду на продажу на чем-то везти. А если ему приспичило в разгар самой работы на рыбалку, пусть добирается как хочет, меня его проблема совсем не волнует.

– Так ты не видела, когда и с кем он уехал?

– Нет, не видела. Мы с ребятишками в лес уехали, а когда вернулись, то рыболовецких снастей на месте не было. Значит, умотал на острова. А что случилось-то? – пуще прежнего забеспокоилась Светка.

– И не звонил? – настаивал следователь, игнорируя вопрос Светки.

– Да связи там нет. Он никогда не звонит! – совсем разнервничалась громкоголосая Иващенко.

Антон Сергеевич понимал, что ходить вокруг да около не имеет больше смысла, и пояснил:

– Предположительно, Валерий мертв, его останки нашли в реке. Правда, только фрагменты, остальные части, наверное, течением унесло. Но вот Костя опознал его руку. Тебе необходимо будет по крайней мере проехать в район и опознать части его тела. А остальное – дело криминалистов, я думаю, они сумеют доказать, что останки принадлежат Валерию.

По мере того как следователь говорил, Светка отчего-то пятилась назад, словно искала вмиг обмякшему телу опору, и наконец наткнувшись ногами на чурку, стоявшую у сарая, словно она искала именно ее, не оборачиваясь, медленно опустилась на найденную для тела спасительную поддержку.

– Какие фрагменты? Вы о чем? – еле выдавила из себя Светка.

Костя, видя, что необходимости в нем больше нет, направился к калитке. Его тяготила эта трагическая сцена, и он боялся, что Светка в любую минуту разрыдается, а женских слез он не переносил патологически. Уже будучи у калитки, Костя услышал, как следователь попросил Светку:

– Вы, Светлана, будьте наготове. Мы сейчас в Тихоновку съездим и за вами вернемся.

Все разъехались, а Светка не могла сдвинуться с места. Именно в эту минуту она остро почувствовала, что жизнь ее уже больше никогда не будет прежней. И пока никто не видел, тихо и самозабвенно заплакала. Сколько она так просидела, не заметила, из отрешенного состояния ее вывела неожиданно громко стукнувшая входная дверь дома. На пороге появилась Женька – старшая дочь Иващенко, шестнадцатилетняя девушка среднего роста, плотно сбитая, с высокой не по годам грудью.

– Мамка, ты чего здесь сидишь? Почему нас не будишь? Мы что, в лес сегодня разве не едем? – и, подойдя поближе, заметив красные глаза матери, обеспокоенно поинтересовалась: – Ты чего? Случилось что?

– Следователь приезжал, – пояснила Светка, вытирая подолом футболки глаза. – Тело отца нашли, – и тут же поправилась: – Следователь сказал, что не все фрагменты тела обнаружили, поиски будут продолжать.

Женька напряглась и выдохнула первое, что пришло на ум:

– Как так? Чье тело? Утоп, что ли? Что теперь будет-то? Ма-а-амк, а что за фрагменты-то? Но Светка, не слушая дочь, продолжала возмущаться:

– И после смерти, поганец, покоя не даст! Теперь менты замучают своими визитами, что да как, – она устало поднялась с чурки на ноги и поплелась на летнюю кухню, надо было прибраться после утренней дойки, не успела еще перемыть подойники и банки.

Кружась по тесному помещению летней кухни, вспомнила, как познакомилась с Валеркой. Ей тогда было двадцать лет, к тому моменту она уже покуролесила вдоволь. Вечёрки с вином и парнями были привычным делом, ну а курить начала еще в училище, когда училась на маляра-штукатур. По профессии ни дня не работала, после училища вернулась назад, к

родителям, которые любили выпить, и им абсолютно никакого дела не было ни до Светки, ни до двух ее старших сестер, которые повыскакивали замуж в разные села.

Жизнь в селе ее вполне устраивала, чтобы как-то заработать, пристрастилась бегать в лес за ягодами и грибами. Утро в лесу, после обеда в районе продавала набранное с утра, а вечером веселая жизнь. Так продолжалось до того момента, пока не поняла, что беременна. Это событие застало ее врасплох, и она поехала за советом к старшей сестре Вальке в Боровиково.

У нее Светка и познакомилась с молодым парнем, который только пришел из армии и помогал мужу сестры Сашке ремонтировать старенький мотоцикл. Валерка сразу понравился Светке – высокий, выгоревшие на солнце светлые волосы и светло-голубые глаза покорили ее с первого взгляда. Светка так и не осмелилась рассказать сестре о беременности, боясь, что та проговорится мужу, а Сашка невзначай обмолвится Валерке. Светка зачастила в Боровиково и вскоре подстроила все так, что Валерка очутился у нее в постели. А через месяц объявила, что беременна, рассчитывая на то, что, когда придет срок рожать, что-нибудь придумает в оправдание раннему появлению малыша.

К ее большой радости, которую она не скрывала, Валерка предложил жить вместе. В то время он жил с бабушкой, той было далеко за восемьдесят, и она совсем не поднималась с постели. Через полгода бабушки не стало, и молодые зажили в свое удовольствие. В положенный срок Светка родила дочь, она догадывалась, что Валерка подозревает, что с беременностью что-то нечисто, хотя она упорно твердила, что Женька родилась семимесячной. Светка прекрасно понимала, что подозрения Валерки подогревает болтливое село, но тут уж ничего не поделаешь, на каждый роток не накинешь платок.

Валерка все чаще стал вечерами прикладываться к бутылке, стараясь заглушить алкоголем подозрения и душевную боль. Жена не сопротивлялась, а даже наоборот, иногда сама подталкивала его к этому и садилась рядом поддержать компанию. Ей нравилось, когда он, выпив, становился добрым и мягкотелым, забывал все обиды, но все же однажды проговорился, что сам не подозревал, что будет ревновать Светку к ее непутевому прошлому, и злится на себя за это. Но Светка бабским нутром чуяла, что Валерка менять в своей жизни ничего не хочет, ведь она была прекрасной хозяйкой, хорошо и много готовила, а поесть муж любил. Кроме того, она, сама от себя не ожидая, оказалась довольно предприимчивой, всегда планов громадье, она упорно шла к цели, не останавливаясь и не пасуя перед трудностями. И совершенно неважно было, что иной раз цель достигалась не совсем законным путем.

Через три года родился Стас, и Валерка был на седьмом небе от счастья. Еще через три года родилась Надюшка, а еще через три – Сережка. Семья Иващенко обрастала детьми, хозяйством. В жизнь вероломно стали вторгаться новые проблемы, как оказалось, Светка совсем была к ним не готова и изменить уже точно ничего не могла. Все началось с того, что однажды у них заночевала подруга Светки. Любка приехала из ее родной деревни по приглашению самой же Светки. Женьке тогда было только полтора года. Вечером хорошо посидели, много пили. Светка хвасталась своим домом, дочкой и верным, заботливым мужем. В какую-то минуту хозяйке стало дурно и мутно, и она удалилась в спальню, не раздеваясь, легла на кровать, через ватную пелену слушая пьяный вздор мужа и подруги.

Среди ночи Светка с трудом открыла глаза, за окном стояла непроглядная темень, ее мутило, она с трудом вспоминала, что произошло вечером, и не могла сообразить, когда успела завалиться в кровать. Светка поежилась, понимая, что пробудилась оттого, что замерзла, пошарила рукой по кровати, Валерки рядом не оказалось. И вдруг ее слух уловил доносившееся из зала поскрипывание дивана и возню. Светку словно ошпарили кипятком, она вдруг вспомнила, что у них гостила Любка, от страшной догадки кровь бросилась в лицо. Она вмиг протрезвела, мысли, обгоняя друг друга, проносились в голове, верить догадке не хотелось, даже симптомы противного похмелья ушли на второй план.

Светка осторожно сползла с кровати, прокралась в зал и резко включила свет. Валерка от неожиданности хотел быстро соскочить с дивана, но запутался в собственных приспущенных штанах и с грохотом рухнул на пол. В детской, испугавшись шума, ревом зашла потревоженная Женька. Светка схватила полураздетую, в хлам пьяную Любку за волосы, та даже сообразить не успела, что происходит, почти волоком протащила воющую от боли подругу до входной двери и, вышвырнув в сени, с силой захлопнула дверь, накинув крючок, отправилась успокаивать дочь...

Это потом будут извинения мужа, горестные слова «черт попутал» и «такого больше не повторится». Так или иначе Светке пришлось полностью отказаться от дружбы с непутевыми подругами, потому что все повторялось, как только новая краля оказывалась у них в доме.

– Мам, ты где? – вывел Светку из пасмурных воспоминаний голос дочери. – Нам в лес собираться или как? – Женька зашла в кухню и, зачерпнув из ведра воды, шумно попила.

– Ты вчера во сколько домой заявила? – отчего-то набросилась на Женьку мать. – Отца нет, так думаешь, я тебя приструнить не смогу?

– Мам, ты чего? Какая муха тебя укусила? Ты же сама меня к Крестинке на день рождения отпустила...

– Знаю я ваши дни рождения, – перебила дочь Светка. – Вон с утра воду хлещешь и глаза припухшие. Еще не хватало, чтобы ты в подоле притащила. Пришибу тогда.

– Ну ты совсем уже сбрендил... – Женька, не оборачиваясь, направилась к выходу.

– Ты как с матерью разговариваешь! Поднимай ребят, сегодня одни в лес ходите. Меня следователь в район вызывает на опознание... – Светка опять всхлипнула и, зашмыгав носом, тыльной стороной ладони вытерла глаза.

– Мамка, да не реви ты, – приостановилась на полпути дочь. – Это, скорее всего, не папка. Кто бы его на куски резал и зачем? Нет, это точно не он, – как-то совсем обыденно произнесла Женька и отправилась в дом.

Светка промолчала. Да и что тут можно ответить дочери? Увидит все своими глазами, тогда и узнает, он или не он. Светка торопливо принялась доделывать домашние дела, понимая, что скоро подъедет автомобиль следователя.

– Костя, ну ты куда? Мы собрались чай пить, – Нюра старалась остановить Костю, который, как только вылез из машины, сразу направился в дом.

Костя остановился, обвел присутствующих безразличным взглядом и ответил:

– Вы меня извините, мне что-то дурно. Я пойду прилягу.

– Может, все-таки останешься? – попросил Миша друга, не надеясь, что тот откликнется на его просьбу.

Костя постоял в нерешительности, обвел жену, Мишу и Арину немного отрешенным, но уже любопытным взглядом, словно увидел их впервые или узнал о них то, что они сами о себе не знают, махнул обреченно рукой и вернулся.

Арина с Мишей у друзей побыли совсем недолго. Разговор не клеился, Костю растормошить и отвлечь от мрачных мыслей так и удалось, все старания Нюры увести мужа от страшной действительности были напрасны. Уж очень сильно его задела чудовищная смерть соседа, он и сам не ожидал, что так глубоко будет переживать его преждевременную кончину. Перед его глазами стояла безобразно отрубленная рука Валерки. И он, посидев немного с друзьями, извинившись, все же ушел в дом. Ему казалось, что обыденные речи сейчас вообще не к месту. Вот так не станет человека – а мир не рухнул, оставшиеся на земле люди продолжают есть, пить, смеяться, ругаться, любить и ненавидеть, словно ничего страшного не произошло. А человека больше нет и никогда не будет. Вот так незаметно и он когда-нибудь уйдет, а земные радости и горести останутся, вне зависимости от его существования или небытия.

Следователь с участковым по пустынной Харитоновке подъехали к дому Певнева и застали Матвея в гараже. Мужчина, открыв капот старого жигуленка, старательно цеплял клеммы на аккумулятор.

– Далеко собрался? – поинтересовался Антон Сергеевич.

– О, здравствуйте, – произнес Матвей вместо ответа на вопрос, протягивая сильную, широкую ладонь и по очереди приветствуя мужчин, пояснил: – Да вот, в Боровиково хотел смотаться.

– Уж не к Иващенко ли? – спросил Павел Юрьевич, пожимая протянутую ладонь.

– К нему, – опешил от догадливости участкового Певнев. – А вы что вдвоем приехали? Случилось что?

– Случилось. Вероятнее всего, Валерий мертв, – без обиняков произнес следователь, внимательно рассматривал мужчину и наблюдал за его реакцией.

Матвей был чуть выше среднего роста, темно-русые волосы аккуратно подстрижены, серые глаза смотрели спокойно и доброжелательно, темный загар на лице был на удивление ровным, словно он отдыхал на юге, а не обветренным, как у сельских мужиков, которым приходилось долгое время в любую погоду находиться на улице. Видно было, что мужчине небезразлична его внешность и он старался держать себя в полном порядке.

– А ты сам-то давно его видел? – поинтересовался Антон Сергеевич.

– Как мертв? – словно не расслышав вопроса следователя, поразился ошеломляющей новости Певнев. – Объясните, что случилось-то?

– Да вот, сами выясняем, что случилось, – уклончиво ответил Антон Сергеевич, и повторил вопрос: – Так когда ты друга видел в последний раз?

– Да давно я его видел. Я вот Юрьевичу говорил, что он мне звонил. А больше от него ни слуху ни духу. Вот я дела немного разгреб и решил добежать до него. Неужели он куда-то по-крупному влип?

– Значит, и по-мелкому влипал? – полюбопытствовал следователь, чувствуя, что Певнев что-то недоговаривает.

Матвей помялся, раздумывая, рассказывать или нет, и, махнув рукой, пояснил:

– Ладно, все-равно это Валерке уже не навредит, если вы правда говорите, что он мертв, – недоверчиво произнес Матвей, не в силах поверить в страшную новость.

– Нет, – раздраженно отозвался участковый. – Нам со следователем делать нечего, мы вот ездим по селам и кого встретим – шутками веселим и... – но наткнулся на неодобрительный взгляд Антона Сергеевича и осекся на полуслове.

Певнев неопределенно пожал плечами и стал рассказывать:

– Короче, на следующий день после того, как мы с Валеркой поговорили по телефону, в деревне говорят, что он вечером в Харитоновку на тракторе приезжал. Только до меня не доехал, и я его не видел. Дело в том, что Валерка, въезжая в улицу, видно, немного на повороте не рассчитал и въехал в угол бани Кузьмича.

– Это какого Кузьмича? Сварщика Ивана Кузьмича Слуцкого, что ли? – уточнил Юрий Павлович.

– Именно его... Баньку-то я видел, перебирать ее полностью придется... Так вот у них там возле Слуцких драка случилась, Кузьмич в гневе мужик горячий, хотя по его внешнему виду так и не скажешь... Так вот, он грозился убить Валерку. Неужели из-за бани свою угрозу исполнил и порешил Валерку? – удивился своему предположению Матвей.

– Ну, ты с выводами-то не спеши, – осадил Антон Сергеевич Певнева, с укором посмотрев на участкового. – Разобраться как следует надо. Так, где, говоришь, Кузьмич живет?

– Угловой дом в проулке, – пояснил предупредительно участковый, не дав ответить Певневу.

– Ну а ты, Матвей, если еще что-то вспомнишь, незамедлительно звони, – попросил следователь, крепко пожимая руку мужчины и немного встряхивая ее.

– До свидания, – удрученно произнес Матвей и, наблюдая, как удаляются мужчины, добавил: – Ну и дела, допрыгался Валерка.

Нет, ему, конечно, нравился компанейский, веселый Иващенко, но была в нем одна особенность: он часто попадал в какие-то недоразумения. То есть относился к тем людям, которые вначале сделают, а потом подумают. А подумав, долго и мучительно переживают. Но только что с того толку? Дело-то уже сделано, и приходится пожинать плоды своей дурацкой выходки.

Когда машина следователя отъехала от гаража Певнева, Антон Сергеевич поинтересовался у участкового:

– Паша, ответь мне, ты вообще не знаешь, что происходит на твоём участке?

– Ты о чем? – постарался как можно более искренне удивиться участковый, но в его голосе явно проступала фальшь.

– Ты тут удивление-то мне не разыгрывай. Ведь ты не знал, что Иващенко на тракторе разворотил баню Слуцкого?

– Ну не знал, – согласился Павел Юрьевич. Притворно откашлялся в кулак и, оправдываясь, добавил: – Как бы до меня эта новость дошла, если Кузьмич заявление не писал?

– Еще одно подтверждение тому, что на участок выезжаешь редко. Если вообще без повода и вызова выезжаешь.

– Да ну тебя, – отмахнулся участковый и пояснять больше ничего не стал, да и не успел бы, машина остановилась возле дома Слуцкого.

Из двора сварщика неслась громкая, бойкая перебранка. По всему было видно, что жена отчитывала провинившегося мужа, не выбирая выражений и совершенно не заботясь о том, что ее слова может услышать кто-то посторонний.

– Да кто так кирпич складывает? А если бы не я, а ребенок подошел, его бы полностью завалило этакой тяжестью!

– А ты не лезь куда тебя не просят, – парировал Кузьмич. – Что тебя туда понесло? Везде надо свой любопытный нос засунуть. А то как же я без твоей бабской указки что-то смогу сделать? – ехидничал в ответ муж, защищаясь.

Антон Сергеевич про себя усмехнулся: «Правильно говорят, что лучшая защита – это нападение», – и остановил машину возле плотно сколоченных посеревших от времени деревянных ворот Слуцкого.

– Кузьмич, поговорить бы надо, – громко произнес Павел Юрьевич, входя в скромную калитку, сиротливо пристроившуюся возле массивных ворот, совершенно с ней не вязавшихся своей дизайнерской задумкой. Ворота словно жили своей жизнью, а калитка своей, каждый предмет просто выполнял свои обыденные, необходимые человеку функции.

Слуцкий смутился, занервничал, понимая, что посторонние люди, да еще при исполнении, застали его за неприглядной сценой. Но тут же словно воодушевился, обрадовался правоохранительным органам, довольный тем, что на него свалилось неожиданное спасение. У него появилась уважительная причина – к нему пришли уважаемые люди, и поэтому не надо больше выслушивать отвратительные, беспочвенные и скверные упреки жены.

– Весь внимание. Чем могу помочь? – засуетился Кузьмич – среднего роста мужичок лет пятидесяти от роду, с русыми волосами и довольно необычной внешностью: светло-голубые, словно выцветшие, откровенно заискивающие глаза, немного кривоватый нос, ряд неровных желтоватых зубов и немного картавящая речь.

Внешность никак не мешала ему быть прекрасным сварщиком, докой в своем деле. К Слуцкому с просьбами постоянно тянулись односельчане, и он охотно им помогал, лишь бы не заниматься домашними делами. Уважительное отчество Кузьмич никак не вязалось с его обликом. К слову сказать, хозяином он был никудышным и безалаберным. Баня по-прежнему

стояла с безобразно развороченным углом, и по всему было видно, что хозяин и не собирается ее ремонтировать. По всему двору был разбросан инвентарь: лопаты, грабли, тямка, пустые хозяйственные ведра находились в самых неподходящих местах. Складывалось впечатление, что где инструментом работали, там его и оставляли, не обременяя себя лишней приборкой. Тут была нужна особая сноровка, чтобы передвигаться по двору, не запнувшись и не переломав ноги. Покосившаяся дверь в сарай была открыта настежь, и по всему было видно, что внутри хозяйственного помещения, как говорится, черт ногу сломит.

Зинаида, жена Кузьмича, невзрачная, с неопрятным внешним видом дородная женщина, как только увидела посторонних людей, сразу захромала в дом, ей не хотелось в стервозном состоянии общаться с кем бы то ни было. Она была домохозяйкой, за собой практически не следила, выгоревшее от солнца летнее платье было замызганным, волосы на голове с неровной проседью, небрежно собраны на затылке. Она, в отличие от мужа, казалась довольно нелюдимой. Зинаида была на пять лет старше своего Кузьмича и на полголовы выше него. Вышла замуж не по любви, а потому что все женихи отчего-то обходили ее стороной, красавицей она, конечно, не была, но и явных признаков уродства у нее не выявлялось, и чтобы не засиживаться в старых девах, приняла ненавязчивые ухаживания более чем несимпатичного Ивана. Успела родить троих детей, двое из которых после окончания школы сумели зацепиться в городе. Неизвестно, правда, надолго или нет. Матери постоянно приходилось решать проблемы детей, лишь бы они не вернулись в деревню и не сели на шею родителям. А младший – восемнадцатилетний Петя, бесшабашный оболтус, дождался осеннего призыва дома.

– Кузьмич, а что с баней-то случилось? – как можно безразличнее спросил участковый.

– С баней-то? – недоуменно, суетливо переспросил Слуцкий, разглядывая развороченный угол и почесывая затылок. – Так вы из-за Валерки, что ли, приехали? Я к нему без претензий, он обещал мне лес подогнать и помочь новую баньку поставить.

– А говорят, что ты ему лицо подпортил, – поинтересовался следователь.

– Так он что, еще и жалобу на меня накатал? – возмущению Кузьмича не было предела. – Ну выдернул я его из трактора за грудки, он на ногах еле держался. В горячке врезал ему пару раз по роже, чтобы в чувство привести. А вы как бы на моем месте поступили? Перепугал он нас с Зинкой до ужаса. Да и соседи стали сбегаться, – затараторил Кузьмич, от волнения брызгая слюной и суетясь еще больше.

– Говорят, ты убить его грозился. Или врут? – стоял на своем следователь.

– Да я и не помню, что тогда в запале кричал ему. Но не убил же. Он, кстати, в этой баньке и переночевал, а как рассвело, домой на тракторе укатил. Я еще тогда поразился, что банька пострадала, а трактору хоть бы хны, завелся без проблем. А что случилось, никак в толк не могу взять, объясните уж мне бестолковому.

– Да убили Иващенко, – ответил Антон Сергеевич. – А ты, значит, после того случая его не видел?

– Нет, не видел. Ждал вот, что сам появится. Да-а-а, дела, не приведи Господи. Кто же мне теперь ущерб за баньку-то возместит? – обратил он свой вопрос участковому.

– Ну, это тебе, Кузьмич, точно не к нам, – ответил Павел Юрьевич и, наткнувшись на недовольный взгляд Антона Сергеевича, крикнул и стал прощаться: – Ну ладно, Кузьмич, давай, если вдруг что-то еще ценное вспомнишь, сообщай.

Арина вернулась домой в подавленном настроении, не хотелось абсолютно ничего, даже записывать в свой дневник яркие впечатления, которыми была перенасыщена ее душа. Надо было собраться с мыслями и понять, как она сама относится к тому, что произошло. С Валерием ей лично общаться не приходилось, но в селе несколько раз с ним встречалась, иногда слышала от Нюры про его выходки. И всегда удивлялась: как этот вежливый и спокойный на вид мужчина мог попадать в различные неприятные истории.

К тому же ее расстроило еще одно обстоятельство. Она только вошла в калитку, как увидела, что радовавший всегда ее глаз разросшийся куст дицентры был безобразно примят к земле, и некоторые мощные стебли безжалостно переломаны.

– Зараза, опять кот в «разбитом сердце» валялся, – выругалась тихонько Арина на соседского кота, не сразу заметив его присутствие.

С недавних пор этот четвероногий монстр облюбовал ее замечательный цветок – дицентру. Он и сейчас, свернувшись клубочком, преспокойно спал в тени длинных стеблей, усыпанных розовыми раскрывшимися сердечками. Арина наклонилась, чтобы сорвать безнадежно испорченные стебли цветка, и только тогда заметила ненавистного пакостника:

– Ах ты, стервец, – громко произнесла она и протянула руку, чтобы извлечь кота из цветка. Но тот, услышав суровый голос и почуяв в интонации девушки угрозу, быстро ретировался, выбравшись наружу и ловко перепрыгнув через забор, исчез. Огорченная Арина постояла в раздумье, соображая, чем хоть как-то помочь цветку, и пошла за лейкой, предполагая, что живительная влага сумеет реанимировать уцелевшие, но все же поврежденные стебли дицентры. Правда, былую красоту цветку не вернуть, но со временем, она это точно знала, растение восстановится. Поливая цветочный куст, мыслями Арина невольно возвращалась к тому, что она знала о дицентре.

Вот ведь в жизни как происходит, у цветка есть научное название, а прижилось простонародное «разбитое сердце». И ведь как метко подмечено: нежно-розоватый цветок растения словно расщелкнулся по неизвестной причине. Многие, наверное, и не догадываются, что существует официальное название цветка. Нет, живы в нас легенды, верим мы в них или нет, это не имеет никакого значения. Они вплетаются в нашу жизнь и делают ее разнообразнее и красочнее. А уж если эти легенды связаны с любовью и романтикой, тут не останется равнодушных сердец, и каждый склонен верить, что именно так оно и было.

Этот цветок произрастает во многих европейских странах, оттуда он был привезен в Россию и прижился даже в холодной Сибири с ее невероятными морозами. Почти в каждой европейской стране свои поверья, связанные с «разбитым сердцем», еще благодаря легенде его называют цветком Жанетты. В Германии с девятнадцатого века существовало поверье, что если девушка сорвет цветок дицентры и возьмет с собой, то, возвращаясь домой, обязательно встретит своего суженого. А вот название «цветок Жаннетты» пришло к нам из Франции. Красивая, печальная легенда, с которой Арине довелось познакомиться, тому подтверждение.

Молодая девушка ушла в лес по ягоды и заблудилась. Сбившись с пути, исходила она немало лесных тропинок, пока солнце не стало прятаться в густые кроны деревьев. Становилось темно. Жанетта совсем уж было пришла в отчаяние, когда прямо перед ней возник молодой красивый всадник. Он быстро подхватил ее, всю в слезах, на коня и поскакал из лесу.

Всю дорогу домой девушка прижималась к груди всадника, спасаясь от мыслей о нависавшей угрозе. Оказавшись дома, она крепко поцеловала спасителя и еще долго не могла унять сердцебиение от нахлынувших чувств. Прошло много времени, а образ прекрасного всадника не покидал мысли девушки. Жанетта поняла, что ожидает встречи с ним, сердце подсказывало ей, что она должна его увидеть снова.

Однажды утром через деревню проезжал свадебный кортеж, люди вышли из домов на улицу, чтобы поприветствовать молодых. Когда Жанетта подошла поближе, то увидела своего спасителя рядом со счастливой невестой. Сердце девушки не выдержало, разорвалось и превратилось в цветок дицентры.

«Именно так печально заканчивается легенда», – с грустью подумала Арина. Из романтического настроения, всецело поглотившего ее сердце и душу, в реальное время ее вернул голос соседки Веры Николаевны:

– Нет, ты посмотри на него, слащавая морда, что же ты мне с люпинами натворил, – Вера Николаевна спускалась со своего крыльца и ругала кого-то невидимого. – Вот погоди, добе-

русь до тебя, я тебе покажу, где раки зимуют, – сетовала фельдшерица, разглядывая примятые цветы. – Да что же это такое, нет моим люпинам счастья, – и заметив Арину, пояснила: – Все коты как коты, а этот все норовит в цветы залезть, словно медом ему там намазано.

Арина грустно улыбнулась, но про свой испорченный цветок «разбитое сердце» говорить не стала, промолчала. Зачем лишний раз на нервы соседке капать. Она и так расстроена, а поврежденные стебли жалобами не вернуть.

– Вера Николаевна, вы уже знаете про Иващенко?

– Знаю, – нахмурилась еще больше фельдшерица, уголки ее губ печально опустились.

Арина не переставала удивляться тому, как меняется лицо у человека, выплескивая наружу его внутреннее эмоциональное состояние. Только что выражение лица Веры Николаевны было гневным и раздосадованным, а как только заговорили про Иващенко, на ее лице отобразились печаль и сожаление.

– Конечно, была у него в характере бесшабашность и бестолковость, что ли, какая-то, но человек он был неплохой, безотказный. Наверное, нет такого сельчанина, который хоть раз к нему за помощью не обращался. Как мог, всегда помогал и плату умеренную брал. Не знаю даже, кому он так сильно мог насолить, чтобы с ним вот так могли по-зверски расправиться.

– Мам, ну ты скоро там? – донесся из открытой форточки голос сына Веры Николаевны Игоря.

– Ох ты Господи, – спохватилась женщина и громко прокричала: – Да иду я уже, иду! – И пояснила Арине: – Я ведь в сарай за яйцами вышла. А тут кот... – и, всплеснув руками, не оборачиваясь, заспешила в сторону сарая.

Светка вернулась из района в подавленном настроении. Конечно, она опознала останки ее Валерки. Как странно, что от живого когда-то человека остались одни безжизненные останки, да и то не в полном комплекте. Когда теперь дадут похоронить мужа, неизвестно. Проходя мимо дома Арины, она заметила хозяйку во дворе и крикнула:

– Здравствуйте, Арина Владимировна.

– Добрый день, Светлана. Вы уже из района вернулись? Как вы?

– Я зайду? А то что же мы через забор кричать будем.

– Конечно, заходите, – поспешила ответить Арина. Она заметила, как женщина осунулась и была неестественно бледна, но держится молодцом. Сильный, видно, у нее характер. – Может, чаю?

– Да, не откажусь. А то еле на ногах держусь, думала, до дома не дойду, хоть посреди дороги садись, – ответила Светлана, усаживаясь за стол и оглядывая ограду Арины. – Ой, хорошо-то как у вас, словно в рай попала. Цветов-то, цветов сколько. Красота, да и только.

– Да, цветы я просто обожаю, – непритворно смутилась Арина и заспешила в дом за чайником.

– Так а что же, назад вас не доставили из района? – поинтересовалась Арина, вынося на улицу и расставляя на столе чайные чашки.

– Нет, не доставили. Спасибо хоть к автобусу отпустили, а то вообще не знаю, как бы до дома добиралась, – Светка отхлебнула чай и в свою очередь поинтересовалась: – Говорят, вы тоже там... на берегу были? Ну... когда... голову нашли?

– Ой, и не говорите, вспоминать страшно, – ответила Арина, сядя напротив Светки и пододвигая поближе к ней вазочки с вареньем и конфетами.

Подул легкий ветерок, Арина взглянула на клумбу с цветами, ветер ласково играл чашечками петунии. Она поправила волосинки, одиноко прилипшие на лбу, про себя отметив, что ветер пролады и облегчения не принес, перевязала резинку, сползшую с шелковистых волос, и, немного подумав, спросила: – Света, а у вашего мужа в последнее время ни с кем конфликтов не было?

– Вы прямо, Арина Владимировна, как следователь, такие же вопросы задаете, – женщина внимательно посмотрела в заинтересованные глаза Арины. – Только я ему уже все рассказала, – и, заметив, что хозяйка дома ждет подробностей, произнесла: – Хорошо, расскажу, если вам так интересно.

– Да, интересно, – подтвердила Арина и подперла кулачком подбородок, показывая всем своим видом, что готова сколько угодно слушать.

– Наш огород упирается в огород бабы Анфисы Кудашкиной. Только она умерла три года назад. Ее сын Карп, одногодок моего Валерки, как после школы куда-то уехал, так и не появлялся больше, даже к матери на похороны не приехал. Говорят, что на севере где-то работал... хотя точно не знаю, врать не буду.

– Какое странное и редкое имя – Карп, – вклинилась в рассказ Арина.

– Это точно, – подтвердила Светка, отпив пустой чай, ни к варенью, ни к конфетам она даже не притронулась. – Она, говорят, его без мужа родила, якобы от председателя совхоза, но возможно, это обычные сельские сплетни. А у председателя, сами понимаете, семья, дети. Так вот, чтобы не было лишних разговоров, она дала ему странное имя Карп, да еще страннее отчество – Генрихович. Откуда только откопала. Председателя-то величали Василий Васильевич Васильев, немецких корней у него отродясь не было. Вот так баба Анфиса закрыла рты всем недоброжелателям.

А он и правда на немца уж больно похож. Светловолосый, прямой, острый нос, вытянутое лицо, голубоглазый, узкий в кости. Да и чубчик всегда набок зачесывал, как Гитлер, – усмехнулась Светка, вспомнив неприятного для нее соседа. – Так вот, на ее дом никто больше не претендовал, родственников, кроме Карпа, у нее не было. Вы же видели, Арина Владимировна, какой у нас огород маленький? А семья большая. Вот пока наследников на усадьбу бабы Анфисы не было, мой Валерка и пригородил часть ее земли к нашему огороду. А что землице пустовать?

Так вот... а где-то с неделю назад Карп объявился. Дом-то материн весь покосился, крыша прохудилась, но он все равно в нем остановился. А вечером заявился к нам и давай права качать, мол, убирайте свои городушки и мою землю освобождайте. Из всего его крика мы поняли, что он участок продавать собирается. Валерка мой в тот день на грудь хорошо принял. Обрадовался бывшему другу, обниматься полез, выпить предлагал. А тот ни в какую. Стоит на своем: чтобы завтра земля пустая была, а не то, говорит, трактором все снесу и забор, незаконно поставленный, и всходы ваши с землей сровню. Мы ведь на этой земле картофель посадили, – пояснила Светка. – Карп грубо оттолкнул Валерку, тот и упал. Поднялся и на Кудашкина с кулаками: «Я к тебе по-хорошему, а ты драться, подлец такой». Но бывший друг моему муженьку врезал и зло так бросил: «Еще раз на глаза попадешься – кишки выпущу. А огород чтобы завтра пустой был». Короче, развернулся и быстро ушел.

– Пойдите, Света. Но не убивают же из-за огорода. Глупость какая... А вы снесли свой забор?

– Ничего не сносили. Наутро Валерка к Карпу мириться пошел, да по душам поговорить, к крыльцу подошел, а дом на замке. Честно сказать, мы его больше не видели, может, и появлялся он в селе, но нам на глаза не показывался. Какая муха его тогда укусила, столько злости в его поведении было, словно мы не землю заняли, а в его дом без разрешения вселились... – Светка сделала глоток остывшего чая и облегченно добавила: – Ну, так или иначе, мы были рады, что он опять исчез и больше досаждать нам не будет.

Арина, внимательно выслушав рассуждения Светки, подумала: «А в принципе какая разница, что в дом вселиться, что чужую землю захватить. И то и другое незаконно». Но вслух ничего говорить не стала. Да и какая теперь разница, законно они тогда с Валеркой поступили, захватив чужую землю, или незаконно. В любом случае Светке и так сейчас несладко. Гостья отодвинула чашку и решительно поднялась из-за стола.

– Передохнула маленько, пойду. Спасибо за гостеприимство, Арина Владимировна.

– Да что вы, Светлана, рада, что смогла хоть чем-то помочь.

Светка вдруг приостановилась, словно раздумывая о чем-то, и спросила:

– А следователь при вас случайно о причине преступления не обмолвился? Может, какие улики нашли? – и поторопилась объяснить: – Я у него сама спрашивала, а он мне ответил: работаем мол, будут новости – сообщу.

– Нет, Светлана, Антон Сергеевич ничего не говорил. По-моему, он сам в полном недоумении. Потому что обмолвился, что впервые сталкивается с расчлененкой в своем районе.

Арина пожалела, что добавила последнюю фразу. У Светки на глаза навернулись слезы, и женщина, не попрощавшись, торопливо поспешила к калитке.

– Вот растяпа, он ей все-таки муж был, а я ей – «расчлененка», – тихо ругнула себя Арина и неспешно добавила: – Вот теперь можно и в дневник кое-что записать, – прихватила со стола чашки из-под чая и пошла в дом.

Ближе к вечеру позвонила Нюра и взволнованно попросила прийти.

– Арина, Костя со свекром на пасеку уехали. Ребятишки остались у бабушки ночевать, а мне что-то жутковато. Светка разошлась, на своих детей целый вечер орет, типа воспитывает, а мне тошно. Приходи, чайку попьем, а если захочешь, может, и ночевать останешься.

– Хорошо, сейчас подбегу, – без лишних разговоров и рассуждений согласилась Арина. И уже через сорок минут сидела у Нюры на просторной, ухоженной, уютной веранде.

От чая она наотрез отказалась, вечер и без того был душным, горячего ничего не хотелось, даже настежь открытые большие окна не впускали вожаделенную прохладу. Где-то совсем рядом залиристо напевал сверчок, издалека доносился надсадный гул трактора и опьяняюще, одурманивающе пахли флоксы, сильными, высокими кустами разросшиеся под окнами веранды. Подруги словно нарочно говорили на отвлеченные темы: о жарком лете, об изысканно цветущих многолетниках, пробежались по учителям, кто и где отдыхает, к кому дети приехали, у кого внуки гостят.

– Арина, ты слышала, что наша завуч Татьяна заявление об уходе написала? – вдруг вспомнила последнюю новость Нюра.

– Нет, не слышала, – заинтересованно отозвалась Арина. – А ты откуда знаешь?

– Директриса звонила, в школе ремонт, просила, чтобы я швейную машинку домой унесла, а то кабинеты все настежь, а вещь-то ценная, не дай бог ноги кто-нибудь ей приделает. Так вот я в коридоре с Татьяной и столкнулась, она-то мне и сообщила, что увольняется.

– И ты поверила? Точно соврала, чтобы посмотреть, как ты отреагируешь. Она же знает, что ты ее недолюбливаешь, – неприязненно отозвалась Арина.

– Ха... недолюбливаю. Это мягко сказано, сколько она пакостей нам делала, пальцев на руках не хватит, чтобы все пересчитать, – ответила с сарказмом Нюра, разливая по стаканам холодный из свежих ягод сваренный морс, и добавила: – Нет, не врет. Мне свекровь Елизавета Степановна подтвердила, что сама слышала разговор Ларисы Петровны и Татьяны.

Девушки молча пили малиновый напиток. Арина сидела как на иголках, ее все подмывало спросить у Нюры про Карпа Кудашкина, но она не хотела портить подруге настроение, понимая, что все последние события та воспринимает болезненно.

– Давай уже, спрашивай, что хотела, а то вижу, истерзалась вся, – по-доброму улыбнулась Нюра, наблюдая за нерешительностью подруги, у которой на лице был написан вопрос и любопытство.

– Да нет, я ничего не хотела...

– Давай, колись, а то я тебя не знаю, – перебила Нюра Арину. – Спрашивай. Что знаю, расскажу.

– Ну хорошо, – облегченно вздохнула Арина, довольная тем, что не надо подбирать правильные слова и направлять разговор в нужное русло, и она напрямую поинтересовалась: – Нюра, а что ты знаешь о Карпе Кудашкине?

Нюра, услышав давно забытое имя, поперхнулась компотом. Какой угодно она ждала услышать вопрос от подруги, только не этот. Закашлялась и, вытирая губы салфеткой, удивилась: – Господи, Арина, а ты-то откуда о Карпе знаешь? Я его последний раз, наверное, в детстве видела.

– А вот твоя соседка Светлана говорит, что он к ним приходил неделю назад и даже ночевал в своем доме.

– Не может быть, – произнесла Нюра, не найдя объяснение данному факту. – Да Светка, скорее всего, соврала. После смерти бабы Анфисы, по-моему, там никто не появлялся.

– Ну как же, вы должны были слышать, как Иващенко ругались с Карпом. Светка говорит, что он так орал, заставлял забор снести, который они на его земле незаконно поставили.

– Ну не знаю. Мы не слышали. А если честно сказать, они постоянно ругаются, орут, то друг с другом отношения выясняют, то на детей, что мы уже перестали обращать внимание. У них иной раз такие страсти творятся... ой, творились, – поправились Нюра, вспомнив, что Валерки нет в живых, – что мама не горюй. Мы со временем вообще перестали удивляться. Хотя она вон сегодня и без мужа разорвалась, хоть беруши в уши вставляй.

– А подробнее, Нюра, что за страсти-то были? – любопытствовала Арина, на мгновение забыв про Карпа.

– Ой, даже вспоминать страшно. Светка в гневе безумна, не соображает, что творит. Прошлый год летом, например, не знаю, правда, из-за чего у них спор произошел. Может, из-за того, что Валерка опять навеселе был. Но только знаю, что он баню топил и с голым торсом пошел посмотреть, готова она или нет. Светка за ним ринулась с ужасным криком, обвиняя его во всех смертных грехах. Потом слышим из бани звериный крик Валерки. Представляешь, мы позже узнали, что Светка его на раскаленную железную печь толкнула. Он из бани выскочил в прямом смысле ошпаренный. Весь бок обожженный был. Просто кошмар.

– Господи, отвязись, плохая жизнь... неужели никто из соседей на их поведение не пожаловался участковому?

– Ну, ты даешь, Арина. Кому охота связываться с дебилами, больными на всю голову? Ходи потом и оглядывайся. Мало ли что у этих придурков на уме. Нет, я, правда, Светку сколько раз просила не орать так, боялась, что ребятишек мне перепугает. Она все в шутку оборачивала, смеялась залиvisto и обещала, что постарается вести себя тише. Смех смехом, а глаза злые, в них искорки недоброжелательные пробегали... Проходило время, и все повторялось вновь. Вот наградил бог соседями. Одни дом свой спалили, от других вообще неизвестно чего ждать...

– Да уж, – сочувственно произнесла Арина. – Ну а что про Карпа-то знаешь?

– А, да... Значит, Карп, говоришь, появлялся... Это интересно... Короче, года за два до смерти бабы Анфисы встретила я ее возле своего дома, она последнее время немного не в себе была. По улице ходила и старалась заговорить со всеми, кто встречался на ее пути. В тот день я попала в ее поле зрения. Пожаловалась она на свое здоровье, сказала, что забывчива стала и тяжело одной управляться по дому. Я ее тогда спросила: а почему Карп не приезжает и жив ли он вообще?

– Что ты такое, милая, говоришь, жив мой сыночек, – ответила она. – Да. Не приезжает, не пишет, но материнское сердце знает, что жив. Работа у него тяжелая, да и далеко он отсюда забрался. Давненько уже мне один добрый человек от него письмо передавал, – тяжело вздохнула баба Анфиса. – Да даже не письмо, а записку, так вот я ее наизусть выучила. Работает он на золотом прииске, каким-то вахтовым методом. Прииск тот Ленским зовется и находится на территории Бодайбинского района Иркутской области.

Я тогда еще удивилась, что Карп в Иркутскую область попал, и говорю ей: если работает вахтенным методом, домой должен был бы приезжать хоть изредка.

– Должен, – согласилась баба Анфиса. – Ан видишь, не приезжает. Значит, занят очень. Али вообще большим человеком стал, некогда ему разъезжать, – и поковыляла дальше по улице. Ну а больше я ничего о Карпе не слышала, – добавила Нюра.

Девушки помолчали, каждая думая о своем. На улице совсем стемнело, под окном веранды продолжали наперебой петь свою веселую песню сверчки, словно соревновались, кто кого перепоеет. В приоткрытое окно с улицы прилетел порыв свежего ветерка, и веранда наполнилась хмельным запахом разнотравья. Первой нарушила молчание Арина:

– Нюра, пойду я домой, а то поздно уже и на улице темно стало.

– Может, у меня все-таки останешься переночевать? – просительно, с надеждой посмотрела на подругу Нюра. Уж очень ей не хотелось оставаться дома одной.

Арина вначале засомневалась, а может, и правда остаться до утра, что по темноте тащиться, Миша все равно сегодня занят и не придет. Он ее еще днем предупредил, что не сможет к ней подъехать, так как поедет в Новообск, в аэропорт, Иринку встречать, дочка из Крыма возвращается. Но тут же прогнала минутную слабость и твердо сказала:

– Нет, Нюра, я пойду. А тебе абсолютно нечего опасаться. У тебя вон не дом, а крепость.

– Ну давай хоть до калитки провожу, – больше не стала настаивать Нюра, понимая, что подругу переубеждать бесполезно.

Девушки вышли на темную улицу, фонари отчего-то сегодня не горели, да и луна, как назло, куда-то запропастилась.

– Арина, может, тебе фонарик дать или передумаешь и останешься у меня ночевать? – с надеждой спросила Нюра.

– Нет, я уже пошла, возвращаться не буду. Фонарик у меня и в телефоне есть, не заблужусь. А тебе спокойной ночи, ложись спать и ни о чем не переживай.

– Храбрая ты, Арина, я бы сроду по такой темноте не поперлась, – позавидовала Нюра отчаянной подруге, закрывая на щеколду калитку.

Арина сама не ожидала от себя такой смелости и, помахав Нюре рукой, твердо вступила в темноту, освещая себе путь фонариком от мобильного.

Действительно, на улице было хоть глаз выколи, слабый свет от телефона тускло освещал дорогу, и она то и дело оступалась, проклиная дорогу, которая, оказывается, была вся в выбоинах и кочках, совсем незаметных в дневное время.

Проходя мимо дома Иващенко, Арина задержала взгляд на темных окнах их дома и, вспомнив рассказ Светланы о доме Кудашкиных, перевела взгляд вдаль, на избу бабы Анфисы. В темном окне покосившегося от времени дома мелькнул лучик света, словно кто-то с фонариком передвигался по комнатам.

– Господи, показалось, – постаралась успокоить екнувшее сердце Арина. – Наслушалась всяких небылиц, вот теперь и мерещится. – Но лучик света все так же продолжал блуждать по темным комнатам. – Отвяжись, плохая жизнь... – прошептала Арина, постояла в нерешительности и, быстро обогнув дом Иващенко, перелезла через прясло огорода, стала медленно продвигаться к дому Карпа. Фонарик пришлось выключить, чтобы ее ненароком никто не заметил. Она подошла к самому краю забора, всего несколько метров ее отделяло от заброшенной избы.

В доме глухо хлопнула входная дверь, и на улицу вышли двое мужчин, освещая мощным фонарем ограду, словно кого-то или что-то потеряли и старались найти. Арина попятилась назад, стараясь прижаться к пряслу, чтобы не попасть в луч света. Но тут же сильная мужская рука, отчего-то противно пахнувшая селедкой, закрыла ей рот и повалила на землю. У Арины перехватило дыхание, от запаха селедки тошнота подступила к горлу. Она забрыкалась, стараясь освободиться из цепких рук, но тяжелое тело придавило ее к земле.

«Господи, помоги мне. Во что я вляпалась?» – молниеносно пронеслось в голове у девушки. В ту же секунду она услышала незнакомые голоса совсем близко и притихла, боясь выдать свое присутствие. Возможно, это сообщники злодея, удерживающего ее, тогда ей одной с тремя точно не справиться. До слуха Арины донесся мужской сюсявый голос.

– Да я тебе говолил, сто он не сунется сюда. Видис, запустение клугом какое? Его седесь тосьно нет. И где он, падла, мосет быть? – на ломаном русском языке, сюсюкая, произнес первый голос. Его акцент очень напоминал китайский.

– Был он здесь, крысеныш, – ответил прокуренный, хрипловатый голос. – Кожей чую, что был. Кстати, он же родом из этих мест. Ченг, я вот что подумал, его здесь могут все знать, надо бы утром к соседям наведаться и расспросить их с пристрастием.

– Это как, увазаемый? – поинтересовался голос первого.

Арина сосредоточилась на разговоре двух мужчин. Судя по голосу, сюсявый мужчина был моложе своего собеседника. И она, скорее всего, не ошиблась насчет китайца, ведь второй, с сиплым голосом, назвал его Ченгом. А Ченг, насколько ей известно, имя китайское.

– Придумаем как. В доверие вотремся и все выпытаем, – констатировал хриплый. – Ладно, хватит лясы точить. Придется в машине переночевать, а с утра будем проблему решать.

Удерживающий ее злодей не позвал и не окликнул мужчин, значит, они не вместе, постаралась мысленно успокоить себя Арина. Мужчины удалились, злодей ослабил свою хватку, и Арина услышала над своим ухом тихий шепот:

– Я сейчас руку уберу, ты только не ори. А то тебя услышат те, кому не надо слышать, тогда нам обоим хана. Или попросту сказать, несдобровать. Если согласна, то кивни головой.

«Кивни головой, – мысленно повторила Арина. – Попробуй кивни, если твоя голова крепко прижата к земле». Но она все же с трудом сделала попытку пошевелиться и кивнула головой, сама не понимая, как это ей удалось сделать. Мужские руки медленно отпустили Арину, и она осторожно стала ползать по земле, ощупывая все вокруг себя руками.

– Ты что делаешь? – так же шепотом поинтересовался мужчина, поднимаясь с земли и отряхивая колени от налипшей грязи.

– Телефон ищу, я его нечаянно выронила, когда вы мне рот своей пахнувшей селедкой рукой закрыли.

Мужчина поднес руку к своему носу, понюхал и ответил:

– Ну, пахнет немного рыбой, ничего страшного, подумаешь, цаца какая. Селедку она унюхала.

Арина наконец нашла телефон, с облегчением вздохнула, поднялась с земли, включила фонарик и посветила мужчине в лицо. Тот, не ожидая такого поворота событий, зажмурился от яркого света и зашипел.

– Сдурела, что ли, выключи сейчас же, пока нас кто-нибудь не заметил.

Перспектива быть замеченной гостями Карпа Арину никак не прельщала, и она, повинуясь, отключила фонарь, произнесла:

– А я вас знаю. Вы Карп Кудашкин.

– А вот то, что ты меня знаешь, это совсем плохо. Я не буду пытаться, откуда ты меня знаешь. Скажу только одно: не надо было тебе со мной встречаться, ох не надо, – противно зашипел Карп. – Но все же интересно, откуда ты меня знаешь?

Арина поняла, что сболтнула лишнее, но не стала отпираться и отказываться от своих слов, робко пояснила:

– Вас так красочно описала мне Светлана Иващенко, что просто невозможно не узнать.

– Болтливая дура. Совсем не думает, что своим языком молотит. Да-а-а, с этим что-то надо делать.

– С чем? – не поняла Арина. Она вдруг осознала, просто почувствовала кожей, что ей может угрожать опасность.

– С вами, свидетелями. Никто не должен был знать, что я в селе появлялся.

Арина произвольно хмыкнула:

– Но вы же сами объявились в доме Иващенко. А теперь получается, что Света виновата, что вас увидела, – нашла нестыковку в словах Карпа девушка.

– Это не важно, просто ваше чрезмерное любопытство опасно для жизни.

– Для чьей?

– Для вашей, конечно. Мне лишние свидетели ни к чему. А у вас, у баб... ну то есть женщин, прямо патологическое желание все знать, вечно суете свой пронырливый нос куда не надо.

– Господи, и что вы намерены делать? – прошептала испуганно Арина, мысленно ища пути к отступлению.

На небо, словно радуясь, выскользнуло ночное светило и голубоватым светом выхватило из темноты постройки, высокие растения и двух человек, стоявших посреди огорода и с интересом изучающих друг друга. Девушка про себя отметила, что у мужчины подвижная мимика и каждая фраза, сказанная им, подтверждалась его выражением лица.

– Избавляться от вас, – хмыкнул Карп. Ему нравилось наблюдать за девушкой, которая так искренне испугалась и не скрывала этого.

– Каким образом? – голос Арины стал выдавать нарастающее в ее сердце волнение. Где-то глубоко в душе промелькнула мысль, что Карп с ней просто играет и нарочно хочет ее попугать. «А может, это вообще мне все привиделось?» Она даже ущипнула себя за руку, надеясь, что это видение сейчас исчезнет. Но тщетно. Перед ней стоял невозмутимый Кудашкин и словно продолжал испытывать ее психику на прочность.

– Убью, на куски порезу и в Обь выброшу, – произнес Карп не то шутливо, не то с сарказмом.

Арина громко ойкнула, зажала ладошкой рот и стала пятиться назад, ноги моментально стали словно ватные и не хотели подчиняться. «Конечно, такой на все способен, ему что муху прихлопнуть, что человека на куски порезать. Как мне от него избавиться?» – мысленно искала выход из сложившейся ситуации Арина. И вдруг ее осенила шальная догадка.

– Ты чего, дурочка, испугалась? – спросил Карп, рассматривая насмерть перепуганное лицо девушки.

– Так это значит, ты Валерия убил и того... на куски разрезал и в Обь? – спросила Арина, от волнения заикаясь и переходя на «ты».

Но Карпа сейчас меньше всего интересовало, как Арина к нему обращается. Ему нравилось держать ее в неведении по поводу ее судьбы, а в страхе она была такой непосредственной. Но последнее предположение Арины выдержало его из игривого настроения.

– Какого Валерия? – пришла очередь удивиться Кудашкину.

– Соседа своего, Иващенко. Вы же ему угрожали, кишки выпустить грозились.

– С ума сошла? Не трогал я Валерку. А он что, на самом деле мертв? И прямо на куски порезан?

Арина молча кивнула головой.

– Екарный бабай, – только и вымолвил Карп, не находя других слов для объяснений.

Арине вдруг показалось, что она неправа в своей догадке и это вовсе не Кудашкин расправился с Валеркой, ведь он так искренне удивился его смерти, такое не сыграешь, будь ты даже гениальным актером. Хотя... в жизни всякое случается – помимо ее воли мысли девушки повернулись в другое русло. И может, он сейчас просто заговаривает ей зубы. В знак ее мрачных мыслей даже луна на несколько секунд спряталась за набежавшую тучу. «Бежать надо... бежать от Карпа как можно быстрее», – пронеслось у Арины в голове.

Из-за тучки вновь выполз спутник Земли, освещая неоновым светом окрестности. Арина не могла оторвать беспокойных глаз от лица Карпа. Он, в свою очередь, молча, с любопытством разглядывал девушку с головы до ног.

– А ты не местная, у меня прекрасная память, – переключил разговор Карп на личность Арины. – Если бы я тебя хоть один раз увидел, точно вспомнил бы.

– Так может, тогда вспомните, кто к вам заглядывал на огонек, и поделитесь соображениями? – Арина кивнула в сторону дома Кудашкина. И пожалела, что вернулась к этому событию.

– Ну это, положим, не твое дело. Со своими проблемами я сам разберусь, – в голосе Карпа промелькнули гневные нотки. – Но ты не ответила на мой вопрос. Не местная, я прав?

– Да, приезжая я, учительница истории.

– Понятно, вероятнее всего, одна живешь. Вижу, обручального кольца на пальце нет.

– Нет, не одна, – торопливей, чем хотела, ответила Арина и смутилась.

– Врешь, – усмехнулся Карп. – Боишься меня?

– Опасаюсь, – ответила Арина, понимая, что сейчас не тот случай, чтобы геройствовать.

– Молодец, – опять усмехнулся Карп. – Откровенно ответила.

Девушка в душе решила попробовать всеми способами улизнуть от Карпа, но сначала выбрала простой путь и не то спросила, не то утвердительно произнесла:

– Я пойду?

– Ну иди, – спокойно ответил Карп.

Арина развернулась и, покидая огород, перелезла через прясло, спрыгнула в улицу.

– Стой, – громким шепотом окрикнул Кудашкин ее совсем рядом.

У Арины сердце сжалось и с болью стало проваливаться вниз. Она замерла на месте и боялась обернуться.

– Вот что, – Карп появился прямо перед ней. – Я тебя по-доброму прошу, никому не говори, что меня видела. Это необходимо для твоей безопасности. И еще одна просьба: завтра как можно раньше сходи к болтушке Иващенко и предупреди ее, чтобы она помалкивала, если кто-то будет расспрашивать обо мне. Поняла?

Девушка молча кивнула головой, Карп так же неожиданно исчез, как и появился. Арина огляделась по сторонам, ничего не заметив подозрительного, со всех ног, насколько позволяла темнота, припустила в сторону дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.